

Филосо́ф и Кали́ка

Жил-был бедной мужик, в вечеря́х повалился, поужинал, а в утря́х и поесь нечего, станет — и семья голодна. Вот он повалился спать и видит ночью сон; во снях видит — кто-то ему говорит: «Есть у тебя, мужик, клад, да не знашь, где взять, позови Филосо́фа, он тебе разгадат».

Мужик стал в утря́х, обрадовалса и поехал за Философом. Приехал к Философу.

— Поедем сон разга́дать.

Философ согласился и поехали. Приехали в деревню и пристали к старику да ко старухе. У них был сын двенадцети лет, Калика: не говорил, не ходил и руками не мог ничего делать. Старик да старуха вышли из избы, Калика и говорит:

— Философ, я знаю, ты куда поехал, тебе сну не разгадать до тех пор, покуда я не скажу.

Философ спросил:

— Где-ка, скажи?

— Ищи у мужика на заднем дворе, в пятнадцетой головни, там клад найдёшь. *(У мужика был прежде дом большой, да сгорел, а го́ловни в землі не гниют.)*

Приехали к бедному мужику, стали рыться, дорылись до пятнадцетой головни, поднесли ей — деньги так и посыпались. Мужик Философу дал сколько следовало, а сам стал жить хорошо и богато. А Философ, поехавши домой, приворотил в ту же деревню, на ту же самую квартиру. Стал чай пить, а Калика и говорит:

— Философ, разгадал сон?

— Разгадал.

— Купи меня у отца, у матери, по времени я тебе пригожусь; они меня незадорого отдадут.

Старик, старуха пришли, Философ и говорит:

— У вас этот парень вместо колодки живет, продайте мне его.

— А тебе на что?

— А я его буду вместо музея держать.

Средились за полторы тыщи рублей; когда Философ запоезжал, Калика вскочил на ноги, поклонился отцу-матери в ноги и говорит:

— Спасибо, что двенадцать лет прокормили и пропоили, а теперь я вам не слуга.

Отец и мать заревели, стали сына обратно просить, но Философ не отдал. Приехали к Философу домой; у Философа немного прожили, приснился царю сон. Царь призвал Философа и говорит:

— Мне приснился сон, разгадай.

Философ разгадывал, разгадывал, никак не мог разгадать, обратился к царю:

— У меня есть слуга верной, он, наверно, разгадает.

Царь велел позвать слугу. Слуга пришел и говорит:

— Философ человек грамотной, а я был калекой до двенадцети лет, неграмотной, где мне разгадать.

Философ пришел домой и задумался, а жона у него была гордая, хитрая и говорит:

— Что же ты задумался? Возьми этого слугу, зарежь, вынь сердце, съешь и будешь, как и он, всё знать, чем ему конаться.

Философ приказал своим слугам этого слугу зарезать, слуги его отвезли и хотели зарезать, он им сказал:

— Здря вы меня не губите, отпустите на волю, а зарежьте собаку, выньте собачье сердце и на тарелке отнесите Философу; которой слуга понесёт, запнись о порог и пади, а сердце падёт на пол, прибежат две собаки, сердце съедят; а Философ не заругается, только скажет: «Собаке собачья смерть».

Слуги так и сделали. Философу было дано три сутки для разгадки сну; думал, думал, сон не мог разгадать, на третьи сутки вышел на крыльце охолодиться и плачет, а слуги и говорят:

— Вот был бы верной слуга, разгадал бы.

А он говорит:

— А нету, дак нэгде взять.

Вдруг откуда ни возьмись этот слуга вышел и говорит:

— Ну, давай, Философ, я тебе разгадаю.

Зашли к царю и говорит:

— Я до тех пор не могу разгадать, покуда не отрубите Философу головы.

Царь приказал отрубить Философу голову, тогда слуга говорит:

— Ну, царь, теперь что я ни скажу, худо ли, хорошо, меня отпустить, на сколько я буду проситься.

Царь дал слово. Когда они укрепились, слуга и говорит:

— Ну, ваше царское величество, вам к тому сон приснился, что я через три года вашу дочку в<ыебу>.

Царь хотел слугу арестовать, но народ не позволили:

— Дó слова крепись, а зá слово держись.

Царь дал слуги паспорт на три года, он на три года и уехал за границу. Там научился играть на всяких музыкальных инструментах и устроил себе серебряного льва. Фрактовал кораб, чтобы идти в это царство; когда стал подходить, наказал капитану и всем служащим:

— Вы, когда придёт царь, у вас будет льва покупать, вы ему не продавайте, а отдайте из фракту: по три тыщи рублей в сутки, а если лев поломаецца, тридцеть тысяч за поправку и льва обратно.

Когда стали подходить к этой нации, он сам и зашел во льва, сел заиграл на всяких инструментах. Царь услышал, пришел и стал спрашивать продать льва. Ему не продали, царь согласился платить фракту. Льва увезли и поставили в столову.

Царь стал собирать пир. Угощались на пиру три дня; когда трои сутки прошли, все устали и придумали льва поставить к царской дочери в спальню. Все уложились спать; когда з́спали, он изо льва вышел — и к дочке. Когда он ей захватил, она дрóгнула и закричала. Слуга во льва обратно. Услыхал царь и прибежал в спальню к дочери.

— Что ж ты шумишь?

— А мне во снях приснилось, что пришел мужчина и хотел меня обнаси́льничать.

— Ах вы, подлые, наслушаетесь разных разговоров, вам во снях и бредит, только родителей беспокоите.

Царь повесил дочери над го́лову саблю и сказал:

— Если еще закричишь, приду и тебе голову отрублю, меня не беспокой.

Отец ушел, слуга и выходит снова. Она еще не спала и было ужахнулась, а он и говорит:

— Если скричишь, тебе всё равно смерть.

Тогда она его пригласила. Потом зашел во льва и уснул крепким сном с передряги. Царь в утря́х пробудился, лев не играет, поломался. Вот они давай льва поправлять, ничего не могли поправить. Льва на корабль отправили, слуга из него вышел. Пришел ему срок к царю являться, везде розыски поданы. Около последняго времени слуга сам во дворец явился. Государь спрашивает:

— Ну, скоро ли на казнь пойдёшь?

— А там посмотрим, пойдём или нет.

— А пришлось ли сделать что с моей дочкой?

— А то и пришлось, что обещал.

Царь пошел к дочке, та говорит:

— Да, действительно было.

Слуга рассказал, как дело было. Царь:

— Ну ладно, когда умел так хитро сделать, умей дочь взять.

За него дочь выдал и отдал полцарства.

(Зап. летом 1907 г. от Г. П. Кашина в Неноксе Архангельской губ. (посад на Летнем берегу Белого моря))

В оригинале Философ и Калика даны как имена собственные.

Заветные сказки из собрания Н. Е. Ончукова. М.: Ладомир, 1996.